

«ХУДОЖНИК В ПОЛНОМ ЗНАЧЕНИИ СЛОВА...»

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

28 ЯНВ 1976

Э. Т. А. Гофман (1776—1822), как отмечал А. И. Герцен, был «художником в полном значении слова». Творческий гений Гофмана проявлялся во многих сферах искусства: в музыке и литературе, в театре и живописи. Но в истории европейской и мировой культуры Гофман прежде всего остается величайшим прозаиком немецкого романтизма.

Как писатель, Гофман прожил короткую творческую жизнь: его огромное литературное наследие создано за

десять с небольшим лет. Гофман сотворил свой собственный, причудливый, гротескно-фантастический мир. Он видел в художнике высший идеал человека, считал искусство серьезной и ответственной духовной деятельностью. В неповторимо сказочной форме Гофман сумел поставить глубокие проблемы действительности, философии и эстетики. Творчество Гофмана, несмотря на трагические противоречия писателя, по сути, представляет собой гимн любви, фантазии и мечте, песнь во славу светлых идеалов красоты и справедливости. Это очень хорошо почувствовал Ф. М. Достоевский, когда писал о романе Гофмана «Житейские воззрения Кота Мурра»: «Что за истинно зрелый юмор, какая сила действительности, какая злость, какие типы и портреты и рядом — какая жажда красоты, какой светлый идеал!»

Творчество Гофмана высоко ценили также А. С. Пушкин, Н. В. Гоголь, В. Г. Белинский, П. И. Чайковский, К. С. Станиславский.

Сегодня мы публикуем письмо Э. Т. А. Гофмана к его другу Теодору Гиппелю (1775—1843). На русском языке письмо Гофмана публикуется впервые.

Глогау, 15 марта 1797 года
Дорогой, Единственный друг!

Наконец-то, наконец-то удаюсь мне вырваться из всего, что меня окружает, что невидимой цепью приковывает меня к неинтереснейшим вещам, чтобы в час сладкого спокойствия, который я целиком посвящаю приятному прошлому, сказать тебе, что я люблю тебя всем сердцем и что все те сообщения, что касаются до событий, должныствующих устроить твоё длительное счастье в будущем, делают крайне счастливым и меня самого!..

...Ты говоришь, мой дорогой, что даже письма мои свидетельствуют об изменениях, которые насильственно разрушили мое Я — добрые стороны моего Я. О, мой друг, в те часы, когда я еще способен вызывать в памяти те небесные чувства, те возвышенные идеалы — добродетели, любви, счастья, которые делали меня столь счастливым в возрасте от 16 до 20 лет, в эти часы душе моей ясно, чем я был прежде и что я теперь! Два человека разверзли ад в моей груди, пылающей беспрестанно. Бывают мгновения, когда я сомневаюсь во всем добром, когда ощущаю в себе стремление противостоять всему, что сулит кажущееся счастье, а потом, потом все во мне просыпается снова — письма из Пруссии вновь связывают мою волю с людьми — любовь и сатану может обратить! — когда все это обрушивается на меня, лед, обложивший мое сердце, тает — он исчезает, и неопишуемая печаль нападает на меня. Прости, что я описываю свое состояние — я должен был это сделать для себя самого, а Ты, может быть, единственный, кто включает меня в сочувственные объятия! Здесь я вообще в странном положении. Меня недолюбливают, хотя поначалу я смел надеяться на обратное. Люди, которые сначала хотели задушить меня от любви и расположения, ныне холодны и враждебны ко мне...
...Я не люблю больше музыки — правду говорит Жан-Поль*: музыка прилегает к нашему сердцу, как лавинный

язык, и до тех пор щекочет и лижет кожу, пока не потечет кровь!.. Она делает меня мягким, словно ребенка, все забытые раны начинают вновь кровоточить..

Недавно я опять был с той девушкой — все было прекрасно: заходящее весеннее солнце бросало последние лучи в окно, все было так чарующе: ее фигура словно парила в солнечных лучах, и, склонившись к ней, я чувствовал ее нежное дыхание на моей пылающей щеке, я был счастлив и хотел сказать ей об этом, слово замерло у меня на устах, когда пробило шесть и куранты медленно заиграли «Не забывай меня» Моцарта — длинные ее ресницы опустились, я откинулся на стул и стал размышлять о словах этой мелодии, два, три стиха пришли мне на ум:

Когда вдруг голос зазвучит
в тебе,
Знай: это я!
Не забывай меня...

Вся моя веселость пропала, дрожь охладила пыл, наполнявший меня! Наконец музыка смолкла. Конечно, сказал я. Да, ответила она глухо. Я хотел броситься к ее ногам, но тут вспомнил о...

...Чтобы ты не считал меня глупцом, я пошлю тебе в ближайшее время ее портрет — я считаю, что это первое, что мне удалось нарисовать в своей жизни! Собственно, всем, что меня теперь занимает, я обязан Минне**! Проклятье, что я не увижу тебя четыре недели — правда, забрезжила некоторая надежда: быть может, сбудется! Если бы я мог, я бы пешком побежал в Мариенвердер, чтобы по крайности на короткое время вырваться из неприятного положения, которое мучает меня здесь. Ах, мой дорогой друг, час истек — люди врываются в мою пустынную комнату, я должен удалиться...

Прощай, живи в вечном мире и помни

о Твоем Г.

Перевел с немецкого
Ю. АРХИПОВ

* Жан-Поль Рихтер (1763—1825) — прозаик, классик немецкой литературы.

** Минна Дерфер — кузина Гофмана, с которой он был обручен в январе 1798 года.